

Трилогия Квантового вора

«Квантовый вор»

«Фрактальный принц»

«Каузальный ангел»

«Страна вечного лета»

Darkoma

«Сервер и Дракон.

Коллекция рассказов»

Hannu Rajaniemi

THE QUANTUM THIEF

Gollancz
London

Ханну Райаниеми

КВАНТОВЫЙ ВОР

fanzon

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(480)
ББК 84(4Фин)-44
P18

Hannu Rajaniemi
THE QUANTUM THIEF

Copyright © 2011 by Hannu Rajaniemi
First published by Gollancz,
an imprint of the Orion Publishing Group, London

Райаниеми, Ханну.

P18 Квантовый вор / Ханну Райаниеми ; [перевод с английского И. Савельевой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 368 с. — (Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ).

ISBN 978-5-04-167112-9

Жан ле Фламбер – преступник постчеловеческого общества, взломщик интеллекта, самоуверенный мошенник и аферист. Его происхождение для всех остается тайной, зато преступления широко известны по всей Гетерархии – от проникновения в обширный «Зевс-мозг» Внутренней Системы с целью похищения мыслей до кражи редких земных антикварных предметов у аристократов Шагающих городов Марса. Но Жан допустил одну ошибку и теперь заключен в огромную виртуальную тюрьму архонтов Аксельрода «Дилемма», где вынужден вести бесконечную игру против своих же бесчисленных двойников. Череду преследующих Жана нескончаемых смертей, неудач и попыток сотрудничества нарушает прибытие Миели и ее паучьего корабля «Перхонен». Миели предлагает ему шанс обрести свободу и былые способности – в обмен на ограбление, которого он так и не смог совершить в прошлом...

«Квантовый вор» — это блестящий образец научной фантастики о событиях будущего, происходящих в Солнечной системе, детективная повесть об эксцентричном обществе постлюдей, которыми движут весьма человеческие мотивы: вероломство, жажда мщения и зависть.

УДК 821.111-312.9(480)
ББК 84(4Фин)-44

© И. Савельева, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
«Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-167112-9

«...Наступает момент, когда за всем этим перестаешь видеть самого себя, — и тебе становится весьма грустно. Сейчас я испытываю те самые чувства, которые, должно быть, томил человека, потерявшего свою тень...»

МОРИС ЛЕБЛАН
«Побег Арсена Люпена»¹

¹ Перевод с французского Н. Бордовских

Вор и дилемма узника

Перед тем как воин-разум и я начинаем перестрелку, я пытаюсь завязать разговор.

— Как ты думаешь, все тюрьмы похожи одна на другую?

Я даже не знаю, слышит ли он меня. У него нет видимых органов слуха, только глаза — сотни человеческих глаз на концах стеблей, что растут из его тела, словно какие-то экзотические фрукты. Он парит по ту сторону от светящейся линии, разделяющей наши камеры. Огромный серебряный «Кольт», зажатый в похожем на ветку манипуляторе, мог бы показаться смешным, если бы не пристрелил меня уже четырнадцать тысяч раз.

— Тюрьмы похожи на аэропорты, когда-то существовавшие на Земле. Там никому не нравится. Там никто не живет. Мы просто проходим сквозь них.

У Тюрьмы сегодня стеклянные стены. Наверху сияет солнце, почти как настоящее, но бледнее. Вокруг меня во все стороны до бесконечности простираются миллионы камер со стеклянными стенами и стеклянными полами. Свет проходит сквозь прозрачные поверхности, и на полу появляются радужные пятна. Кроме них в камере ничего нет, и на мне тоже ничего нет: я нагой, словно только что

появившийся на свет младенец, если не считать оружия в руке. Время от времени, когда удастся добиться выигрыша, нам позволяют кое-что изменить. Воин-разум достиг успеха, и в его камере летают невесомые цветы, красные, фиолетовые и зеленые пузырьки, вырастающие из водяных шаров, словно его собственные карикатурные изображения. Самовлюбленный ублюдок.

— Если бы у нас имелись уборные, двери должны были бы открываться внутрь. Ничто никогда не меняется.

Ладно, желание поговорить у *меня* уже иссякло.

Воин-разум медленно поднимает оружие. По стеблям его глаз проходит легкая дрожь. Жаль, что у него нет лица: влажный взгляд целого леса его глаз действует мне на нервы. *Неважно. На этот раз все должно получиться.* Я слегка наклоняю оружие, положение запястья и сам жест предполагают движение, как если бы я собирался поднять оружие. Каждый мой мускул вызывает к *сотрудничеству.* *Ну же. Поддавайся. Все честно. На этот раз мы должны стать друзьями...*

Ослепительная вспышка: черный зрачок его ствола извергает пламя. Мой указательный палец дергается. Дважды грохочет гром. И в мою голову вонзается пуля.

Невозможно привыкнуть к ощущению горячего металла, врывающегося в твой череп и выходящего через затылок. Все это имитировано до мельчайших деталей. Пылающий вихрь в голове, теплая струйка крови и мозга на плечах и спине, внезапный холод и наконец — темнота, когда все вокруг замирает. Архонты «Дилеммы» сделали так, чтобы мы все это почувствовали. Это познавательно.

И сама Тюрьма всецело посвящена воспитанию. И теория игр: обучает принятию рациональных решений. Если бы я был бессмертным разумом, как архонты, возможно, у меня и нашлось бы время для подобных вещей. И это вполне в духе

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

Соборности — верховного органа, управляющего Внутренней Солнечной Системой — поставить архонтов во главе всех тюрем.

Мы раз за разом играем в одну и ту же игру, только в разных вариантах. Архетипическая игра, любимая экономистами и математиками. Порой это испытание на выдержку: мы на огромной скорости мчимся навстречу друг другу по бесконечной автостраде и решаем, стоит ли отвернуть в самый последний момент. Иногда мы становимся солдатами в окопах, и между нами лежит полоса ничейной земли. А время от времени они возвращают нас к основам и снова превращают в заключенных — старомодных заключенных на допросе у сыровых следователей, где нам предстоит выбор между предательством и обетом молчания. Сегодняшний выбор — огнестрельное оружие. Что будет завтра, я даже не пытаюсь угадать.

Жизнь выдергивает меня из темноты, словно шарик на резинке. Я отчаянно моргаю, мысли путаются и рвутся. Каждый раз, когда мы возвращаемся, архонты немного изменяют нервную систему. Они уверены, что в конце концов каждый заключенный на оселке Дарвина дойдет до состояния сотрудника.

Если они выстрелят, а я нет, — это проигрыш. Если мы стреляем оба — боль незначительная. Если мы заключаем союз, — для нас обоих наступает Рождество. Вот только всегда находится причина, чтобы нажать на курок. Согласно теории, бесконечно повторяющиеся встречи должны вырабатывать склонность к сотрудничеству.

Еще несколько миллионов раундов, и я стану бойскаутом. Точно.

В последней игре я заработал боль в костях. Мы оба пострадали: и воин-разум, и я. В этом раунде еще две игры. *Этого недостаточно. Проклятье.*

В игре против соседей трофеем является территория. Если в конце раунда твой счет выше, чем у соседей, ты выигрываешь и в награду получаешь собственных двойников, которые заменяют — и стирают — находящихся поблизости неудачников. Сегодня мне не слишком везет — только два двойных поражения, оба в игре против воина-разума, — и если я не изменю положение, грозит настоящее забвение.

Я взвешиваю свои шансы. Две клетки рядом со мной — слева и сзади — занимают двойники воина-разума. В камере справа сидит женщина, и как только я поворачиваю голову в ее сторону, стена между нами исчезает, уступая место голубой черте смерти.

Ее камера так же пуста, как и моя собственная. Женщина сидит в центре, обхватив руками колени, закрытые черным, похожим на тогу платьем. Ее смуглая кожа наводит на мысли об Оорте, о желтовато-коричневом азиатском лице и стройном, сильном теле. Я улыбаюсь и машу рукой. Она не обращает внимания. Тюрьма, видимо, рассматривает этот жест как взаимное сотрудничество: я чувствую, как мой счет немного подрастает, что создает ощущение теплоты, словно глоток виски. Стеклопанельная стена между нами возвращается на свое место. *Ладно, это было совсем просто.* Но против воина-разума этого недостаточно.

— Эй, неудачник, — слышится чей-то голос. — Ты ее не интересуешь. Рядом имеются более привлекательные варианты.

В последней из камер сидит мой двойник. На нем белая тенниска, шорты и огромные зеркальные солнцезащитные очки. Он лежит в шезлонге у края плавательного бассейна, на коленях книга «Хрустальная пробка»¹. Это одна из моих любимых книг.

¹ Одна из книг М. Леблана об Арсене Люпене.

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

— Победил опять не ты, — говорит он, даже не потрудившись поднять голову. — Опять. Что с тобой случилось, три проигрыша подряд? Пора бы уже усвоить, что все стремится к равновесию.

— В этот раз я его *почти* достал.

— Эта ложная мысль о сотрудничестве была неплохой идеей, — говорит он. — Вот только она ни за что не работает. У воинов-разумов нестандартные затылочные доли мозга, отдельные спинномозговые каналы. Их невозможно обмануть зрительными иллюзиями. Жаль, что архонты не начисляют баллов за попытку.

Я изумленно моргаю.

— Постой-ка. Как ты можешь знать то, чего не знаю я?

— Неужели ты считаешь, что ты здесь *единственный* Фламбер? Я неплохо поработал. В любом случае, чтобы его побить, тебе требуется еще десять очков, так что вали сюда, и я попробую тебе помочь.

— Ты действуешь мне на нервы, красавчик.

Я подхожу к голубой линии и впервые за этот раунд вздыхаю свободно. Он тоже поднимается, и из-под книги появляется изящный автомат.

Я наставляю на него указательный палец.

— Бум-бум, — говорю я. — Готов сотрудничать.

— Очень смешно, — отвечает он и, усмехаясь, поднимает оружие.

В его очках отражается моя уменьшенная обнаженная фигура.

— Эй, эй. Мы ведь с тобой заодно, не так ли?

И мне казалось, что это я обладаю чувством юмора.

— Разве все мы здесь не игроки и мошенники?

В голове что-то щелкает. Обаятельная улыбка, искусно имитированная камера — все это заставляет меня расслабиться, напоминает меня самого, но что-то здесь не так...

— Вот дерьмо.

В каждой тюрьме имеются свои слухи и свои страшилки, и наша не исключение. Я услышал это от одного зоку, с которым какое-то время сотрудничал. Легенда об аномалии. Абсолютный Предатель. Существо, которое никогда ни с кем не сотрудничает и остается безнаказанным. Этот тип обнаружил глюк в системе и всегда оказывается твоим двойником. А если нельзя доверять самому себе, кому же тогда верить?

— Да, — говорит Абсолютный Предатель и нажимает на курок.

«По крайней мере, это не воин-разум», — успеваю подумать я, перед тем как раздается оглушительный грохот.

То, что происходит потом, не поддается никакой логике.

Во сне Миели ест персик на Венере. Мякоть сочная, сладкая, с легкой горчинкой. Изысканное дополнение ко вкусу Сидан.

— Ты дрянь, — тяжело дыша, говорит она.

Они уединились в сфере из ку-точек, в четырнадцати километрах над кратером Клеопатры — маленьком островке жизни в отвесной пропасти гор Максвелла, где пахнет потом и сексом. Снаружи бушуют сернистые вихри. Янтарный свет, просачивающийся сквозь адамантиевую псевдоматерию оболочки, покрывает кожу Сидан медным налетом. Изгиб ее ладони в точности повторяет выпуклость холмика Венеры Миели над еще влажным влагалищем. Внутри еще слегка трепещут мягкие лепестки.

— Что я такого сделала?

— Много чего. Этому тебя научили в *губернии*?

На лице Сидан вспыхивает улыбка эльфа, в уголках глаз появляются едва заметные тонкие морщинки.

— Ты очень добра ко мне.

— Ты моя попка.

— А как насчет этого? Тебе нравится?

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

Пальчики свободной руки Сидан обводят серебристый контур бабочки, вытатуированной на груди Миели.

— Не трогай, — говорит Миели.

Внезапно ей становится холодно.

Сидан отдергивает руку и гладит Миели по щеке.

— Что случилось?

Мякоть персика съедена, осталась только одна косточка. Прежде чем выплюнуть, она перекачивает ее во рту. Маленький твердый предмет, испещренный воспоминаниями.

— Тебя здесь нет. Ты настоящая. Ты просто помогаешь мне сохранить рассудок в Тюрме.

— Это помогает?

Миели притягивает ее к себе, целует в шею, слизывает капельки пота.

— Не совсем так. Я не хочу уходить.

— Ты всегда была сильнее меня, — говорит Сидан. Она ласково перебирает волосы Миели. — Но уже почти пора.

Миели прижимается к знакомому телу, так что украшенная драгоценными камнями змея на ноге Сидан причиняет ей боль.

Миели.

Голос пеллегрини проносится в ее голове дуновением холодного ветра.

— Еще немного...

Миели!

Трансформация — это тяжелый и болезненный процесс, как будто с размаху кусаешь персиковую косточку и твердое ядро реальности едва не ломает зубы. Тюремная камера, бледный искусственный свет. Стеклянная стена, за ней разговаривают два вора.

Миссия. Долгие месяцы подготовки и реализации. Внезапно сознание полностью проясняется, и в ее голове всплывает план операции.

Напрасно было позволять тебе эти воспоминания, слышится в ее голове голос Пеллегрини. Мы едва не опоздали. А теперь выпусти меня, здесь слишком тесно.

Миели плюет косточкой в стеклянную стену, и преграда рассыпается осколками льда.

В первый момент время замедляет свой ход.

Удар пули вызывает в голове холодную боль, словно череп наполнили мороженым. Я падаю, но падение приостанавливается. Абсолютный Предатель превращается в застывшую статую с поднятым оружием в руке.

Справа от меня разлетается вдребезги стеклянная стена. Осколки летают вокруг меня, блестят на солнце, словно новая стеклянная галактика.

Женщина из соседней камеры торопливо идет в мою сторону. В ее походке чувствуется целенаправленность, как будто после долгих репетиций. Словно актер, услышавший необходимую реплику.

Она осматривает меня с головы до ног. У нее коротко остриженные темные волосы и шрам на левой скуле — геометрически прямая черная линия на сильно загорелой коже. И светло-зеленые глаза.

— У тебя сегодня счастливый день, — говорит она. — Тебе предстоит кое-что украсть.

Она протягивает мне руку.

Боль в голове усиливается. Галактика из стекла вокруг нас приобретает странные очертания, словно появляется знакомое лицо. Я улыбаюсь. *Конечно. Это сон умирания. Какой-то сбой в системе — такое иногда случается. Разгромленная тюрьма. Двери в туалет. Ничего не меняется.*

— Нет, — говорю я.

Женщина из сна моргает.

— Я Жан ле Фламбер, — продолжаю я. — Я краду то, что захочу и когда захочу. Я покину это место, когда сам решу

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

это сделать, и ни секундой раньше. По правде говоря, мне здесь нравится...

Мир вокруг меня становится ярко-белым от боли, и я больше ничего не вижу. Я смеюсь.

Где-то в моем сне кто-то смеется вместе со мной. *Мой Жан*, говорит второй, очень знакомый мне голос. *Ну конечно. Мы берем этого.*

Сделанная из стекла рука гладит меня по щеке, и в этот момент мой моделированный мозг решает, что пора умереть.

Миели держит на руках мертвого вора: он ничего не весит. Пеллегрини выплывает из персиковой косточки рябью раскаленного воздуха, а затем концентрируется в высокую женщину в белой одежде, с бриллиантами на шее и тщательно уложенными красновато-золотистыми локонами. Она кажется одновременно юной и старой.

Так-то лучше, говорит она. *В твоей голове слишком мало места.* Она широко раскидывает руки. *А теперь пора вытаскивать тебя отсюда, пока детишки моего брата ничего не заметили. Мне еще надо здесь кое-что сделать.*

Миели ощущает в себе чужую нарастающую силу и взлетает. Они поднимаются все выше и выше, ветер бьет в лицо, и на какое-то мгновение ей кажется, что она возвращается в домик своей бабушки Брихайн и снова обретает крылья. Тюрьма быстро превращается в сетку из крошечных квадратов далеко внизу. Квадратики меняют цвет наподобие пикселей, образуя неимоверно сложные узоры из сотрудничества и предательства, словно картинки...

И как раз перед тем как Миели и вор скрываются в небе, Тюрьма принимает вид улыбающегося лица Пеллегрини.

Умирать — это все равно что идти по

пустыне и думать о предстоящей краже. Мальчишка лежит на горячем песке под палящим спину солнцем и смотрит на робота у края площадки, занятой солнечными батареями.